

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 1 ноября 1881  
19 октября

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie. Телеграммы, письма и корреспонденция въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève. Желаящихъ имѣть лично объясненія ст. редакціей просятъ обращаться по тому же адресу.

## СОДЕРЖАНИЕ:

1) Федерализмъ, какъ основа объединенія силъ, борющихся съ деспотизмомъ въ Россіи. — 2) Нашъ отвѣтъ «Общему Дѣлу». — 3) Еще о «дружнѣ спасенія». — 4) Предстоящій процессъ 24-хъ лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. — 5) Аресты среди воспитанниковъ Константиновскаго военнаго училища и генер. Ванновскій. — 6) Нѣчто о турецкихъ взглядахъ гр. Игнатъева, о Воронцовѣ Дашковѣ и о царскихъ забавахъ. — 7) Историческая Польша и великорусская демократія, X. М. Драгоманова. — 8) Рѣчь г. Александровича на социалистическомъ конгрессѣ въ Хурѣ. — 9) Подарки территоріи, сдѣланные нашими правителями иностраннымъ державамъ (письмо въ редакцію. — 10) Письмо о рабочемъ движеніи, VIII: лондонскій процессъ. Избирательная агитація. Деморализація низшихъ классовъ, какъ агитаціонный пріемъ правительства и швейцарской партіи. P. S.: результаты выборовъ.

Женева, 1 ноября.

Въ переживаемую Россіей эпоху организаціи общественныхъ силъ помимо законнаго порядка и въ значительной части вопреки этому порядку особеннаго вниманія заслуживаютъ стремленія къ объединенію группъ, борющихся за существованіе, за право самоуправленія, за народную свободу. Чрезвычайно важно положить истинныя начала въ основаніе всѣмъ желаемому уже въ настоящее время объединенію, найти не искусственныя, а изъ самой жизни вытекающія точки соприкосновенія и сразу же намѣтить область автономической дѣятельности каждой группы, необходимой для того, чтобы она могла безпрепятственно развивать свои силы, участвуя въ общемъ движеніи не какъ механической, численный или обладающій извѣстными средствами придатокъ, но какъ живой органъ живаго цѣлаго, стремящагося упрочить свое существованіе на неизбѣжныхъ основаніяхъ, а потому по самой своей природѣ противящагося поглощенію одной части своего организма другою: полное прісутствіе жизненныхъ силъ въ каждомъ органѣ необходимо для здоровья всего тѣла; между

желудкомъ и руками не должно быть спора изъ-за первенства.

Ключъ къ установленію прочной связи между группами, борющимися за собственное существованіе и за всеобщее освобожденіе, уже найденъ и если по причинѣ недостаточнаго анализа средствъ борьбы еще до сихъ поръ не могъ получить широкаго примѣненія на практикѣ, то за то въ послѣднее время усвоенъ сознаніемъ большинства дѣятелей всевозможныхъ направленій, какъ положительнаго, въ кругѣ устроительныхъ работъ, такъ и отрицательнаго — оппозиціоннаго и революціоннаго.

Этимъ ключемъ служить идея федераціи и ея практическое осуществленіе.

Какъ основная идея государственнаго управленія, она проводилась въ нашемъ отечествѣ съ профессорскихъ кафедръ многими представителями науки \*) въ эпоху пробужденія у насъ общественнаго самосознанія.

Какъ идея національныхъ особенностей духа, она никогда не умирала въ сказкахъ, былинахъ и пѣсняхъ, слагавшихся среди различныхъ племенъ, населяющихъ нынѣшнюю Россійскую имперію и выражалась, наконецъ, въ особыхъ литературныхъ этнхъ племенъ, не умаляясь, а постоянно возрастая въ числѣ и достоинствѣ произведеній.

Какъ лозунгъ политическаго движенія она проснулась въ передовыхъ рядахъ негосударственныхъ народовъ Россіи, почувствовавшихъ гнетъ московскаго централизма и объединительнаго, уравнивающего всѣхъ въ общемъ безправіи императорскаго деспотизма.

Наконецъ она стала лозунгомъ социа-

\*) См. рядъ статей М. Драгоманова, напечатанныхъ въ «Вольномъ Словѣ» подъ заглавіемъ «Историческая Польша и великорусская демократія».

листическаго движенія на Западѣ и проводимая социалистическими мыслителями и публицистами въ русской печати за границей и внутри имперіи начала было входить въ практику социальна-революціоннаго движенія 70-хъ годовъ.

Обостреніе революціонной борьбы на время отвлекло часть революціонныхъ силъ въ сторону централизма; якобинство стало уже нарождаться на русской почвѣ, когда ничтожность для успѣховъ революціи событія 1-го марта показала слабыя стороны централистической программы. Ея неудовлетворительность выступала тѣмъ яснѣе, чѣмъ малочисленнѣе становилась среда дѣятелей, вся же ея несостоятельность обнаружилась немедленно послѣ того, когда самая дѣятельность революціонеровъ съузилась до крайности, сосредоточилась на одномъ объектѣ, — на личности императора. Не будучи пророкомъ можно было предсказать, что событіе 1-го марта повиснетъ въ воздухѣ изолированнымъ фактомъ революціоннаго протеста, можно было утверждать съ увѣренностію, что движеніе южнорусскаго населенія противъ эксплуататоровъ народнаго труда не пойдетъ далѣе насильственныхъ дѣйствій надъ евреями.

Будь иначе, не сходи съ федеративной почвы наше юное во всѣхъ отношеніяхъ революціонное движеніе, оно пріобрѣло бы большую устойчивость въ обществѣ широтою своего распространенія, запаслось бы большимъ содержаніемъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ и не оставило бы безъ послѣдствій ни одного акта революціоннаго протеста, способнаго пошатнуть старыя связи, поддерживающія ветхое зданіе русскаго полицейскаго государства.

Истина федеративнаго начала сказывается именно въ примѣненіи его на дѣлѣ. Группируя борющіяся силы по степени ихъ

жизненного сродства, федерализм сам по себе служить плодотворным зерном всякому из него вырастающему движению, которое никогда не может стать беспочвенным или перейти в область *изолированных* предприятий. Вытекая из самой жизни, он естественно идет в своем развитии практическим путем, забирая по дороге все, что самую жизнь вытягивается в начатое движение. Он ничего никому не навязывает, ничего никому не предписывает, а потому он не может оттолкнуть от участия в предпринятом движении несогласных с тою или другою подробностью программы действия. Особенность этих подробностей есть *raison d'être* каждой федеративной группы, которая потому только и состоит в связи с остальными группами федерального цѣлаго, что соприкасается с ними сторонами своего *общаго* дѣла. Федерация устраняет необходимость компромиссов, представляя каждому своему члену полную свободу действия в области непосредственно его касающихся интересов. Она вполне признает личность группы и каждой из них отводит мѣсто в общемъ союзѣ не по назначенію свыше, не по волѣ какого нибудь центрального начальства, а в силу естественного порядка вещей, на основании факта существования известной группы в данной мѣстности, в сферѣ наличныхъ интересовъ населения общины или области. Наконецъ, федеративное начало стало лозунгомъ людей, могущихъ группироваться и действовать в Россіи только на легальной почвѣ, а это такое явление, и явление крушныя величины, с которыми прежде всего необходимо считаться нашимъ революціоннымъ кругамъ. Необходимо считаться потому, что рано или поздно имъ предстоитъ докончить дѣло народного освобожденія в размѣрахъ, недопускаемыхъ нынѣшнюю рамкою законности, раздвинуть свободу личности до ея естественныхъ предѣловъ необходимой солидарности в политической и экономической жизни, а этого невозможно совершить в тискахъ централизма и вопреки естественному стремленію національностей къ автономіи.

Въ виду разрѣшенія пасущейся задачи переживаемой нами эпохи организации общественныхъ силъ по всемъ направлениямъ, мы не можемъ не приветствовать съ радостью того поворота на федеральную почву, который замѣчается в средѣ нынѣшнихъ нашихъ революціонныхъ дѣятелей, стремящихся развить освободитель-

ное движеніе до призыва къ совместной работѣ всехъ оппозиціонныхъ императорскому деспотизму группъ и организаций, каковы бы ни были ближайшія цѣли ими преслѣдуемыя. Въ такомъ смыслѣ написано какъ нельзя болѣе своевременно П. Л. Лавровымъ „Нѣсколько словъ объ организации партіи“ \*). Въ такомъ же смыслѣ, надѣмся, произойдетъ и окончательное соглашеніе народовольцевъ съ группами „чернагопередѣла“, надѣмся, что это соглашеніе состоится на условіи признанія народовольцами федеративнаго начала, такъ долго и такъ опрометчиво оставляемаго ими безъ примѣненія къ дѣлу.

Мы уже отвѣтили „Общему Дѣлу“ на его неумѣстныя сомнѣнія относительно намѣреній „Вольнаго Слова“; но нашъ отвѣтъ, какъ видно, еще пуще раздражилъ редакторъ этого *никого* и *ничего* не представляющаго органа. Въ послѣднемъ номерѣ, одинъ изъ его корреспондентовъ уже не только сомнѣвается, но и грозитъ перейти отъ сомнѣній къ увѣренности. Какое же намъ до этого дѣло?! Когда противъ насъ выставятъ доказательства, факты, — мы сочтемъ своею обязанностию отвѣтить по содержанию ихъ. Тратить же время на опроверженіе полицейской казуистики и хитросплетеній на нашъ счетъ смичиковъ „Общаго Дѣла“ — намъ не приходится.

Та же газетка продолжаетъ увѣрять своихъ читателей, что пущенная ею для боящихся собственной тѣни сказка о „бѣломъ террорѣ“ — не сказка, а быль. Кому любо увѣрить — да увѣритъ. Но исходя отъ убѣжденія, что группамъ борющимся съ русскимъ правительствомъ, — не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ, — весьма важно знать дѣйствительныя замыслы врага, мы считаемъ долгомъ сообщить, что имѣли случай ознакомиться съ содержаниемъ устава такъ называемой „дружины спасенія“ и что въ этомъ уставѣ итъ и помину о насильственномъ лишеніи жизни лицъ враждебныхъ правительству и вообще „дружина“ не имѣетъ въ виду прибѣгать къ какимъ бы то ни было террористическимъ дѣйствіямъ.

Мы слышали, что въ непродолжительномъ времени будетъ разбираться процессъ 24-хъ (вмѣсто прежде предполагавшихся 6-ти) лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Люди хорошо осведомленные съ общественнымъ настроеніемъ говорятъ, что послѣднее далеко не благопріятствуетъ строгости приговора.

По извѣстіямъ изъ Петербурга, новость о многочисленныхъ арестахъ среди военнотанниковъ военнаго Константиновекаго училища подтверждается. Говорятъ, что

\*) „Черный Передѣлъ“ № 3.

правительственные лица сильно обезпокоены оппозиціоннымъ движеніемъ в военныхъ кругахъ. Военный министр, ген. Ванновскій требуетъ смертной казни по крайней мѣрѣ для одного изъ арестованныхъ константиновцевъ, — но другія лица опасаются, что такая мѣра только подольетъ масла въ огонь. Опасеніе совершенно вѣрное, — но вся теперешняя политика правительства в Россіи есть вѣсть и огонь, и масло. Только *амнистія* и *политическая свобода* можетъ предохранить Россію отъ пожара.

Дикость *улиротворительныхъ* приемовъ генерала Игнатьева, о чемъ мы уже имѣли случай не разъ высказаться, и вынесенные имъ изъ Турціи взгляды на внутреннее управленіе государствомъ, — не находятъ себѣ сторонниковъ, какъ намъ передавали за достовѣрное, даже среди лицъ вліятельныхъ при дворѣ, за исключеніемъ развѣ министра двора Воронцова-Дашкова, тупоуміе и трусость котораго переходятъ предѣлы даже вѣшняго приличія. Теперешнему министру внутреннихъ дѣлъ, вѣроятно, не пришлось бы уже болѣе возмущать человѣческое достоинство своими выходками противъ свободы мнѣнія и неоспоримыхъ правъ личности на защиту закономъ отъ произвола агентовъ власти, если бы минувшее царствованіе оставило по себѣ подѣ трона хотя бы одного свѣтлаго человѣка. Додуматься же до выбора способныхъ правителей изъ среды людей, указанныхъ народнымъ избраніемъ — нашему самодержцу, по вѣдому, не подѣ силу. Говорятъ, любимое его занятіе состоитъ въ счетѣ стѣбасныхъ за высочайшимъ столомъ апельсинъ, провѣркѣ гардеробныхъ принадлежностей, чистла заводовскихъ кобылъ и хрѣновскихъ производителей, что, будто бы, утѣшаетъ его въ тоскѣ по отсутствію лучшаго изъ русскіхъ подданныхъ игрока въ мячъ генерала Баранова, съ замѣчательнымъ искусствомъ состязавшагося съ царемъ въ этой глубокомысленной забавѣ, которая, если чаять вождѣльями московскихъ пророковъ, одна только и могла повести къ *непосредственному* единенію верховной власти съ народомъ“.

## ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

### И ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

#### Х.

То, что случилось съ народно-федеральнымъ направленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ рациональнымъ отношеніемъ къ Польшѣ в великорусскомъ политическомъ движеніи 60-хъ годовъ, повторилось и в социальномъ движеніи 70-хъ годовъ. И здѣсь народно-федеральное направленіе, такъ ясно и энергически провозглашенное Бакунинымъ, очень скоро потускло и уступило мѣсто государственно-централистическому. Мы не будемъ останавливаться на подробномъ изслѣдованіи причинъ такой эволюціи, между про-

чимъ и потому, что нѣкоторые изъ этихъ причинъ уже указаны, или намѣчены нами выше. Главною причиною и тутъ была фатальная насѣдственность и оппозиціей тѣхъ привычекъ мысли и дѣйствій, въ которыхъ воспитала общество исторія государства въ періодъ централизаціи. Въ добавокъ же именно послѣ усмиренія польскаго возстанія система централизаціи въ Россіи еще болѣе усилилась и налегла тяжелымъ гнетомъ не только на административную жизнь областей, но и на ихъ жизнь нравственную съ гораздо болѣе рафинированными приемами, чѣмъ въ прежнее, николаевское время: въ 1863 г. были запрещены украинскія книги педагогическаго содержанія, въ 1864 г. великорусскій языкъ былъ признанъ единственнымъ языкомъ школьнымъ въ Россіи собственно, съ 1866 г. даже вопреки положенію 1864 г. началось вытѣсненіе польскаго и другихъ народныхъ языковъ изъ школъ въ Царствѣ Польскомъ; рядомъ съ тѣмъ поднялась борьба съ остатками народныхъ языковъ въ школахъ Кавказа; и вообще во всѣхъ школахъ имперіи, кромѣ отчасти острѣйшихъ губерній, воспреобладала, вмѣстѣ съ министерствомъ гр. Толстого, всеобруствительная катковщина, которая стремилась пролѣзть даже въ автономную Финляндію. Всякое напоминаніе о чуждѣ либѣ мѣстномъ, своеобразномъ и автономномъ стало строго преслѣдоваться не только въ школахъ, но и въ печати, и даже въ театрѣ и разговорахъ, — о чуждѣ мы могли бы привести десятки анекдотовъ изъ собственныхъ наблюденій и опытовъ въ Кіевѣ и Петербургѣ. Молодое поколѣніе должны были воспитываться въ убѣжденіи, что Россія не только „единая и неделимая“, какъ гласитъ надпись, сочиненная для памятника Богдану Хмельницкому, который потому никакъ не вытѣсняется, что все таки онъ самъ по себѣ составляетъ протестъ казенному единству, — но даже „единообразная“ \*). Вотъ эти то именно поколѣнія и выступили на сцену въ социалистической оппозиціи 70-хъ годовъ, — и было бы противуестественно, если бы они не захватили съ собою изъ школы того духа, въ какомъ ихъ воспитывали. Отдѣлаться отъ этого духа, узнать, что Россія вовсе не единообразна, они могли только посредствомъ собственнаго изученія, часто по источникамъ, — а на это, во первыхъ, нужно было особенное время, а во вторыхъ именно 70-е годы были эпохою, когда въ русской молодежи воцарилось, между прочимъ и при помощи прокламаций Бакунина, перенесеніе къ научнымъ занятіямъ, понятное, какъ реакція катковско-толстовской „учебы“, но тѣмъ не менѣе крайне вредное для всѣхъ жизненныхъ интересовъ страны и въ томъ числѣ для силы социальной оппозиціи. Отъ этого отсутствія научнаго образованія молодежь поддавалась влиянію самыхъ простыхъ формулъ, наиболѣе носившихъ характеръ догматовъ, а также влиянію

лицъ, провозглашавшихъ эти формулы. Въ довершеніе всего, выборъ этихъ лицъ, — вожakovъ для кружковъ молодежи, — сильно сократился и калибръ ихъ понизился даже сравнительно съ 60-ми годами: лучшіе люди изъ оппозиціи этихъ 60-хъ годовъ, такіе какъ Чернышевскій, или Добролюбовъ, были удалены со сцены. Людей же, которые, какъ Герценъ или Бакунинъ, при активномъ темпераментѣ, соединяли въ себѣ большое и разностороннее образованіе съ большимъ жизненнымъ опытомъ, съ наблюденіемъ Россіи, — и столицъ и провинцій (послѣднее хотя бы, благодаря ссылкѣ), — и Западной Европы, — и въ 60-е годы не появилось. Новымъ вожакамъ оппозиціи въ 70-е годы такимъ образомъ неизбежно пришлось, вмѣсто выработки самостоятельной программы, наиболѣе приложимой для различныхъ народовъ Россіи и въ то же время согласной съ самыми передовыми ученіями, выведенными изъ политическихъ уроковъ Запада, — просто скопировать самыя простыя изъ формъ оппозиціонной жизни этого Запада, которые наиболѣе налезали на глаза и уши. Такими формами были для политической оппозиціи французское якобинство, а для социальной — нѣмецкая социальная демократія, — обѣ централистическія, и обѣ пробуемыя на пространствахъ въ 10—12.000 квадратныхъ миль, а нѣмецкая социальная демократія даже въ странѣ съ почти одинаковымъ національнымъ составомъ (38 миліоновъ нѣмцевъ, 2½ м. поляковъ, 150.000 литовцевъ, 60.000 чеховъ, и 150.000 лужицкихъ сербовъ).

Изъ всѣхъ западноевропейскихъ социалистическихъ партій на Россію всего болѣе оказала вліянія партія нѣмецкая, — что объясняется, какъ тѣмъ, что въ послѣдніе годы эта партія обладала такими сильными умами, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, — сочиненія которыхъ стали подкладкою идей русскихъ социалистовъ, такъ и по ближайшему сосѣдству, особенно для петербуржцевъ, и наконецъ по большому количеству евреевъ, которые приняли столь значительное участіе въ социалистическомъ движеніи въ Германіи и Россіи и которые, особенно свирѣ сѣверо-западныхъ губерній, составили элементъ, естественно связывающій русскихъ социалистовъ съ нѣмцами.

Кромѣ своей болѣе или менѣе централистической государственности, понятной еще въ такой странѣ, какъ Германія, но всегдѣ неприменимой къ Россіи, нѣмецкіе социалисты имѣютъ, — а особенно имѣли нѣсколько времени тому назадъ — и свои спеціальныя взгляды на польскій вопросъ, тоже довольно естественныя съ ихъ точки зрѣнія, но тоже всегдѣ не отвѣчающіе дѣйствительному положенію вещей, которое, казалось бы, должно было быть видно въ Россіи лучше, чѣмъ въ Германіи. Эти взгляды нѣмецкіе социалисты пробовали провести и среди социалистовъ всей Европы и Америки, соединенныхъ въ Международное Общество Рабочихъ. Какъ извѣстно, нѣмецкій кружокъ Маркса принималъ участіе въ польскомъ движеніи 1863 г., — при чемъ Марксъ хлопоталъ объ образованіи особаго нѣмецкаго легіона при пособіи отъ из-

гнаннаго брауншвейскаго герцога \*). За тѣмъ самую идею объ образованіи Международнаго Общества Рабочихъ кружокъ Маркса предложилъ на Лондонскомъ митингѣ 28 Сентября 1864 г., который былъ созванъ для заявленія сочувствія тогдашнему польскому возстанію. Предварительный комитетъ, который долженъ былъ приготовить вопросы для рѣшенія на будущемъ первомъ конгрессѣ Международнаго общества, въ которомъ кружокъ Маркса пользовался такимъ вліяніемъ, поставилъ на очередь въ ряду общихъ социальнo-экономическихъ вопросовъ (о капиталѣ и трудѣ, о рабочемъ днѣ, женской работѣ и т. д.) и такой всегдѣ частный и національно-политическій вопросъ, — какъ о „необходимости уничтожить вліяніе русскаго деспотизма въ Европѣ посредствомъ приложенія права народовъ располагать самими собою и посредствомъ возстановленія Польши на началахъ демократическихъ и социальных“. По этому вопросу возникло на конгрессѣ Интернаціонала 1866 г., въ Женевѣ, — весьма интересное разногласіе между делегациями французскою и нѣмецкою. Въ словахъ первой явно видно вліяніе Прудона, который, какъ ан-архистъ, рѣшительно высказался противъ польскаго возстанія 1863 г., въ противность всему тому, что говорилось тогда всѣми представителями французской демократіи. Вотъ какъ передаетъ протоколъ засѣданій женевскаго конгресса Международнаго Общества — вышеупомянутое разногласіе делегаций французской и нѣмецкой по польскому вопросу: „Делегация французская высказываетъ мнѣніе, что по этому вопросу не должно быть никакого голосованія и что конгрессъ долженъ ограничиться заявленіемъ о томъ, что онъ противникъ всякаго рода деспотизму во всякой странѣ и что онъ не входитъ въ разборъ столь сложныхъ вопросовъ, какъ національные. Нужно желать и требовать свободы (l'emancipation) въ Россіи, какъ и въ Польшѣ, и отвергнуть старую политику, которая противопоставляетъ народы одинъ другому. — Мнѣніе большинства конгресса склонялось явственно къ предложенію французовъ. — Тогда попросилъ слова г. Беккеръ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что конгрессъ не рѣшаетъ ничего по этому вопросу. Русская имперія служитъ постоянною угрозою противъ цивилизованныхъ обществъ Европы; Польша служила бы для нея преградой. Собраніе хотѣло уничтоженіе постоянныхъ армій, но пока нельзя будетъ уничтожить въ Европѣ, пока Польша не будетъ возстановлена. Онъ прибавляетъ, что польскій вопросъ есть вопросъ европейскій, но который интересуется Германію специально, такъ что его можно назвать въ извѣстномъ отношеніи нѣмецкимъ вопросомъ. Онъ, Беккеръ, предлагаетъ поэтому, чтобы къ протоколу приложена была декларация въ такомъ смыслѣ, подписанная всѣми члена-

\*) Интересно, что слова «Богдану Хмельницкому единая, неделимая Россія», — явный переводъ съ якобинскаго «une et indivisible», предложены были извѣстнымъ реакціоннымъ доносчикомъ, тайнымъ совѣтникомъ М. Вл. Юзефовичемъ.

\*) См. объ этомъ въ «Историч. Вѣстникѣ», 1881, № 1, 80, извлеченіе изъ записокъ Лашинскаго, начальника морской экспедиціи въ пользу польскаго возстанія, въ которой участвовалъ и Бакунинъ.

ми нѣмецкими и другими, которые раздѣляютъ эти мнѣнія."

Въ такомъ духѣ, узко государственно-національномъ, не разъ высказывались о Польшѣ и Беккеръ, и Марксъ, и Либкнехтъ \*). Вышемы напомнимъ, что недавно Бебель высказался въ такомъ же родѣ о необходимости положенія нѣмецкой преграды славянской волѣи и въ Австрiи. Въ основѣ такихъ заявленій лежитъ ветхозавѣтное чувство самонадеянности (Uebermuth) и нерасположеніе къ славянамъ, которыхъ въ Германіи считаютъ Россію представительницею и защитницею, — чувство, которое проявляется у нѣмцевъ и относительно поляковъ, когда ихъ рассматриваютъ независимо отъ отношеній ихъ къ Россіи \*\*). Но у нѣмецкихъ революціонеровъ, выступившихъ на сцену около 1848 г., изложенное субъективное отношеніе къ Польшѣ и Россіи имѣетъ себѣ значительное оправданіе. Въ 1848 г. германскимъ демократамъ пришлось бороться вооруженно съ прусскими войсками, — силы котораго возстапіе поляковъ должно было во всякомъ случаѣ раздѣлить, — слѣдовательно демократы нѣмецкіе и поляки являлись во всякомъ случаѣ союзниками въ „борьбѣ съ общимъ врагомъ“. Наконецъ, Германія соприкасается только съ дѣйствительно польскими провинціями, — а тѣхъ провинцій исторической Польшы, въ которыхъ поляки являются сами угнетателями, въ противность всякому „праву народовъ располагать самими собою“, — нѣмецкіе демократы наглядно не видятъ, и при извѣстномъ пренебреженіи къ народамъ негосударственнымъ и съ государственной точки зрѣнія „некультурнымъ“, очень легко могутъ и не хотѣть видѣть.

Но, повторяемъ, то, что болѣе извинительно въ Германіи, менѣе извинительно въ Россіи, — и однако нѣмецкая постановка польскаго вопроса въ Интернаціоналѣ нашла

\*) Въ 1880 г., г-нъ Беккеръ былъ приглашенъ представлять въ митингѣ въ Женевѣ, созванномъ польскимъ кружкомъ, который объявилъ, что отнынѣ должно замѣнить крикъ „да здравствуетъ Польша!“ крикомъ: „да здравствуетъ Интернаціоналъ!“ Означаетъ ли это, что г. Беккеръ измѣнилъ свои взгляды, мы не знаемъ, — но гг. Марксъ, Энгельсъ и др. б. члены генеральнаго совѣта Интернаціонала прислали для митинга письмо, въ которомъ настаиваютъ на сохраненіи стараго крика: „да здравствуетъ Польша!“

\*) Интересно, какъ говоритъ объ этой ненависти нѣмцевъ къ славянамъ Герценъ: „сестъ ограниченныя умы и узкія народныя ненависти, которыхъ убѣдить я не беру; они ненавидятъ, не разсуждая. Возьмите, — чтобы не говорить о своихъ, — (Герценъ пишетъ къ поляку) статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ, и взгляните въ ихъ эту ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому... Если бы эта ненависть была сопряжена съ какимъ нибудь желаніемъ, чтобы Россія, Польша были свободны, поразили бы свои цѣли, я бы полюбилъ это. Совѣмъ не то. Такъ какъ среднѣвѣковые люди, ненавидя евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ гражданственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклятыхъ умовъ“. (Колоколъ, 16 января 1859 г.) Поучительно также прочесть въ Посл. соч. Герцена, въ статьѣ „Нѣмцы въ эмиграціи“, о томъ, какъ у нѣмецкихъ демократовъ и Бакуининъ, и Герценъ, — особенно первый, являлись даже агентами русскаго правительства потому только, что смотрѣли на славянскіе народы по своему, а не по указанію нѣмецкихъ партій.

себѣ сочувствіе и въ извѣстной части великорусскихъ социаль-демократовъ, которые начали организоваться въ кружки около 1870 г. подъ вліяніемъ извѣстій о конгрессахъ Интернаціонала.

Впрочемъ и вообще въ самихъ понятіяхъ объ Интернаціоналѣ въ Россіи произошло крупное недоразумѣніе. Слухи объ этой международной организаціи рабочихъ классовъ во имя общихъ имъ интересовъ достигли въ Россію въ ту эпоху, когда, какъ мы говорили, воспреобладало централистически-обрустительное направленіе, — мы сказали бы противунаціональное, если бы оно не направлялось только противъ національностей негосударственныхъ и въ пользу національности государственной, великорусской. Въ числѣ софизмовъ, какіе пускались въ ходъ обрустителями, былъ и такой, что будто-де всемірная культура выигрываетъ отъ стиранія національностей, хотя господа обрустители почему то не начинали исполненіе этого „требованія всемірнаго прогресса“ съ стиранія своей національности.

По существу своему, идея космополитизма и человечества вовсе не противна идеѣ національности, — а представляетъ только дальнѣйшее ея развитіе: союзъ всего человечества есть только общій союзъ частныхъ союзовъ, которые всего легче могутъ заключаться въ средѣ уже по природѣ объединенныхъ между собою языкомъ, сходствомъ психическимъ и сосѣдствомъ индивидуумовъ, общими и племенъ извѣстныхъ національностей, и тѣмъ болѣе, что расположеніе этихъ національностей во времена безсознательной колонизаціи почти всегда совпадало съ границами естественныхъ бассейновъ, географическихъ и хозяйственныхъ. Самое понятіе объ идеалѣ человека составляется и *продолжается составляться* у людей изъ отвлеченія лучшихъ сторонъ индивидуумовъ, корпорацій (какъ видовъ труда) и націй, и потому прогрессъ самаго этого идеала вовсе не требуетъ стиранія всѣхъ разнообразностей человека, а напротивъ того, ихъ постоянного развитія. Космополитизмъ и гуманизмъ исключаютъ только національную антипатію, національную исключительность, призываютъ къ стиранію національныхъ недостатковъ.

Въ частности всякій практическій „Интернаціональный союзъ“, въ родѣ напр. „Международнаго Союза Рабочихъ“, не только не исключаетъ союзовъ національныхъ, но предполагаетъ ихъ существованіе, какъ союзовъ, изъ которыхъ самъ онъ долженъ состоять. Вотъ почему 6 и 7 §§ Положеній Интернаціонала вѣрили своимъ членамъ въ обязанность стараться о соединеніи первичныхъ мѣстныхъ союзовъ въ союзы вторичные, „национальные“. Только въ редакцію этихъ параграфовъ вкралась поленость, влѣдствіе смѣшенія, согласно старинной политической терминологіи, терминовъ nation, état и pays народъ, страна и государство, смѣшеніе, которое всего болѣе проистекаетъ отъ нѣмцевъ, которыхъ государство, какъ мы сказали, болѣе или менѣе единоплеменно \*), Впрочемъ, уже

\*) Объ этомъ смѣшеніи и вообще о значеніи на-

самое допущеніе въ главный совѣтъ Интернаціонала представителя Польши, — котораго теперь не составляетъ государства, — показываетъ, что даже учредители Интернаціонала не исключали возможности предварительнаго группированія первичныхъ союзовъ въ союзы вторичные по національности въ болѣе точномъ смыслѣ, выражаемомъ словомъ гасе, langue, а современемъ среди социалистовъ западной Европы пошли въ ходъ выраженія въ родѣ: „интернационалисты или социалисты такого то языка“ (напр. даже у нѣмцевъ: Der Social-Demokrat, Organ der Socialisten der deutschen Zunge)

Въ Россіи же отъ неточности термина, „нація“, „національный“, — и употребленія его на французско-якобинскій манеръ въ смыслѣ государственномъ, и особенно отъ смѣшенія идеи космополитизма съ идеею обрустения произошло самое чудовищное недоразумѣніе, которое привело къ тому, что весьма многіе русскіе социалисты самымъ серьезнымъ образомъ поняли формулу Интернаціонала: „Пролетаріи всѣхъ странъ (націй), соединитесь!“ — въ такомъ видѣ: „пролетаріи всѣхъ странъ, подчиненныхъ русскому государству, обрустывайтесь!“ Конечно, съ такою ясностью эту формулу почти никто изъ русскихъ социалистовъ не пропонсировалъ, особенно въ печати, и даже почти всѣ они обижались, когда имъ ставили на видъ, что ихъ система дѣйствія соответствуетъ именно такой формулѣ, но тѣмъ не менѣе если не въ теоріи, то на практикѣ „русскіе“ социалисты въ своей сферѣ были такими же интеллигентно-обрустителями, — какими въ своей сферѣ были гг. Катковы и другіе враги и социалистовъ, и всякихъ національныхъ автопомисловъ.

Мы помнимъ первую нашу встрѣчу съ представителемъ великорусскаго социалистическаго движенія въ 70-е годы. Это былъ одинъ изъ делегатовъ петербургскаго общенационально-революціоннаго кружка, прибывшій въ Кіевъ въ началѣ 1870 г. Между прочимъ онъ принялъ участіе въ мѣстномъ кружкѣ молодежи, которая, — какъ и петербургскіе „чайковцы“, — имѣла въ виду политико-соціальное самообразованіе и пропаганду, — только, сообразно украинскимъ правамъ, не носила клички, замѣтлившей отъ лица, а не отъ принципа. Мы получили приглашеніе принять участіе въ запискахъ этого кружка. На первомъ сборѣ заявлено было, кто какой рефератъ возьметъ на себя. Мы замѣтили, что почти всѣ темы для рефератовъ были выбраны изъ сферы т. наз. социальнаго и женскаго вопросовъ, — а потому, когда дошла очередь до насъ, то мы предложили съ своей стороны прочесть о социальныхъ стремленіяхъ и о положеніи женщины въ средѣ украинскаго крестьянства, которое составляетъ украинскую націю. По своему, обычаю мы

национальностей и государствъ, какъ *основъ* (операционныхъ базисовъ) для организаціи социалистическихъ партій мы говорили нарочито въ статьяхъ нашихъ „Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme internationale“ въ „Revue socialiste“ 1880, и въ листкѣ „Вільна Силка — La fédération — Вольный союзъ“, 1881, № 1 „Естественныя обязанности и пропаганда социализма на илебейскихъ языкахъ Восточной Европы.“

старались дать слушателямъ, какъ можно больше, фактовъ, съ указаніемъ на источники, такъ чтобы слушатели могли самостоятельно проверить насъ, даже если бы и не согласились съ нашими выводами. Во время чтенія нашего реферата петербургскій делегатъ обнаруживалъ явное нетерпѣніе, и когда начались препія, то замѣтилъ приблизительно слѣдующее:

—Все это, *можетъ быть*, и вѣрно, — но къ дѣлу не идетъ. Мы должны думать о борьбѣ съ общимъ врагомъ, а Вы, говоря намъ объ Украинѣ, какъ о чемъ то особомъ, вписите раздѣленіе въ наши силы!“

*Mutatis mutandis*, — это было повтореніе какъ разъ того, что мы слышали отъ нашего почтеннаго начальника, кн. Ал. Пр. Ширинскаго Шихматова, — по поводу нашихъ мнѣній о составленіи книги для чтенія въ народныхъ школахъ кievскаго округа (Мы доказывали невозможность игнорирования мѣстнаго элемента въ такой книгѣ, а потому и невозможность составленія единой и нераздѣльной книги для чтенія для всей Россіи). Между прочимъ князь Ширинскій даже произнесъ слова: „общій врагъ“, только у него этотъ врагъ была — Польша. При видѣ такого совпаденія замѣчаній православнаго обрусителя съ замѣчаніями „нигилиста“, было, конечно, „отчего въ отчаяніе прійти“. Но, скурѣвъ сердце и со всевозможнымъ почтеніемъ къ столичному делегату, мы отвѣтили въ такомъ родѣ:

—Вы желаете бороться съ извѣстными врагами, желаете проводить извѣстныя мнѣнія, — такъ вотъ я, вполне одобряя Ваши цѣли и раздѣляя Ваши мнѣнія, — указываю Вамъ факты, которые должны освѣтить Вамъ ту почву, на которой Вы хотите дѣйствовать и указать Вамъ на тѣ зацѣпки, за которыя Вы можете ухватиться въ Вашей дѣятельности“.

—Все это, такъ, но Вы говорите все объ Украинѣ, и у Васъ Украина является, какъ что то особенное, а мы должны дѣйствовать за одно въ борьбѣ съ общимъ врагомъ.

—Я говорилъ объ Украинѣ, потому что такъ выбрался сюжетъ, и потому что я, да и Вы, — думаемъ дѣйствовать именно на Украинѣ, но въ такомъ же родѣ можно было бы повести рѣчь напр. и о Швеціи, или Италіи, Литвѣ, Арменіи и т. п., если бы кто изъ насъ вздумалъ зацѣпиться именно этими странами. О томъ же, точно ли Украина представляетъ такія особенности, — отчего? — отъ великороссіи напр., какія я въ ней вижу, — это вопросъ отдѣльный, котораго я едва коснулся, и дѣйствительно любопытный; я готовъ о немъ спорить; теперь я представляю Вамъ рядъ фактовъ, указывающихъ между прочимъ на эти особенности и допускаю возможность, что я многое подобраю ошибочно и односторонне, — конечно, — безъ умысла, а потому очень буду радъ, если кто либо, Вы напр., дополните или даже опровергнете мои факты и дадите новые. Но только такъ и знайте, что если Вы не опровергнете моего положенія, что украинская жизнь представляетъ массу чертъ, отличныхъ отъ чертъ жизни напр.

великорусской, то должны будете признать необходимость спеціализаціи всякой культурной, политической и соціальной дѣятельности на Украинѣ. Хотите, — приступимъ къ анализу этихъ украинскихъ особенностей, начиная напр. съ языка.

— Нѣтъ, я этимъ вопросомъ не занимался, — и при этомъ я думаю, что вообще не слѣдуетъ поднимать такихъ вопросовъ, въ виду необходимости единства силъ и проч. и проч.

Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, въ теченіе которыхъ намъ пришлось и устно, и печатно говорить объ Украинѣ съ добрыми 200 „русскихъ революціонеровъ, социалистовъ“ и пр., — извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, ученыхъ и неученыхъ, — но все наши бесѣды были только болѣе или менѣе повтореніемъ вышензложенной бесѣды. Первый вопросъ, какой мы отъ нихъ слышали, когда мы имъ говорили о разнообразіи того, что они называли русскимъ народомъ, — былъ (да простятъ намъ это унодобленіе) вопросъ шедринскаго градоначальника, увидѣвшаго рѣку тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, ей быть не подобало: „за чѣмъ?“ А когда мы имъ объясняли, — что *за тѣмъ*, чтобы наилучше бороться съ общимъ врагомъ, наилучше устроить именно общій союзъ, — они намъ отвѣчали по большей части фразами о единствѣ рода человеческого, существующемъ, или будущемъ, съ прибавкою потаціи о необходимости космополитической солидарности, и о вредѣ національной исключительности, потаціи, которые уже потому излишни, когда рѣчь идетъ объ украинской національности, что эта національность именно тогда, когда была болѣе самостоятельна, вовсе и не думала противуставлять себя „Европѣ“ или человечеству, и только тогда и отдѣлилась отъ „Запада“, когда попала подъ опеку обрусителей. Многіе же отвѣчали намъ просто раздражительными обвиненіями.

Въ послѣдніе годы мы дождались счастья увидѣть противъ себя такого же рода возражателей и съ польской стороны! Всего любопытнѣе, что наши возражатели, которые никакъ не хотятъ признавать негосударственныхъ и плебейскихъ національностей, — ни необходимости нарочито приспособленія къ нимъ политико-соціальныхъ организацій, ни даже устраненія розни между образованными и мужицкими классами, напр. по языку, — самымъ серьезнымъ образомъ воображаютъ именно себя интернационалистами, и даже „пародниками“.\*)

Страшные интернационалисты эти не хотятъ замѣчать, что вмѣсто человечества, да еще социалистическаго, они подсовываютъ намъ государство, аристократическое, бур-

\*) По части интернационализма положеніе дѣлъ дошло до полного комизма: напримеръ, небольшая группа украинскихъ социалистовъ пишетъ не только по украински, но и по великорусски, и по польски, — тогда какъ еще ни одинъ великорусскій, или польскій социалистъ не издалъ ни строчки по украински, — и въ то же время изъ среды ихъ раздаются голоса, которые усиливаются представлять именно украинскихъ социалистовъ узкими и нетерпимыми націоналистами даже передъ заграничной публикою. (См. статьи гг. П. Л., В. Лимаповскаго и Аксельрода въ *Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* и нашу замѣтку «Der kleinrussische Internationalismus», тамъ же).

жуазное и бюрократическое, — и при томъ неизбежно національное же, и что ихъ псевдо-космополитическая проповѣдь противъ „націонализма“ вовсе не туда направлена, куда бы слѣдовало, т. е. не на тѣхъ, кто давить чужія національности, а на тѣхъ, кто отбивается отъ давленія, и что подставка вмѣсто между-народности обезнародиванія поддерживаетъ только монополию привилегированныхъ, официальныхъ народностей и отнимаетъ у націй, которымъ не повсчастливилось сохранить свою государственную независимость, т. е. у націй мужицкихъ, отнимаетъ именно ихъ интеллигенцію, т. е. естественныхъ организаторовъ массъ и для самой соціальной борьбы, — и въ концѣ концовъ обращаетъ такихъ псевдо-космополитовъ изъ противниковъ „общаго врага“ въ его союзниковъ, безсознательныхъ, а иногда такъ и сознательныхъ.

Впрочемъ одинъ изъ органовъ „русскихъ революціонеровъ“ имѣлъ смѣлость, послѣ общихъ фразъ о томъ, что для него все національности равны, — прямо сознаться въ своей солидарности съ представителями существующаго эксплуататорскаго строя по вопросу о негосударственныхъ національностяхъ. Мы говоримъ о „Набатѣ“.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

## РѢЧЬ Г. АЛЕКСАНДРОВИЧА

на социалистическомъ конгрессѣ въ Хургъ.

Я присутствую здѣсь не въ качествѣ делегата и не ожидалъ, что мнѣ предложено будетъ разсказать о состояніи социалистическаго движенія въ Россіи. Я поэтому и не приготовилъ никакого отчета по этому вопросу. Вслѣдствіе этого я ограничусь только краткимъ указаніемъ причинъ непопавленія на международномъ конгрессѣ делегата отъ русскихъ социалистовъ. Это указаніе дастъ въ то же время нѣкоторое представленіе о состояніи и условіяхъ социально-революціоннаго движенія въ Россіи.

Ближайшая и болѣе очевидная причина непопавленія на этомъ конгрессѣ делегата отъ Россіи заключается въ положеніи русскихъ революціонеровъ послѣ 13 Марта. Страшныя преслѣдованія дѣлали невозможнымъ для болѣе энергичныхъ и вліятельныхъ членовъ постоянное пребываніе въ одномъ мѣстѣ; многимъ приходилось чуть не еженедѣльно мѣнять свое мѣсто-пребываніе, и бывали случаи, когда нелегальный человекъ, пріѣхавъ въ какой нибудь городъ, долженъ былъ немедленно уѣхать, потому что мѣстнымъ товарищамъ невозможно было доставить ему сколько нибудь безопасное убѣжище. Присоедините къ этому массу арестовъ, высылку въ Сибирь и т. п. — и вы легко поймете, что въ социалистическихъ группахъ должно было наступить временное разстройство и нѣкоторое затиханіе въ ихъ дѣятельности. Очевидно, что первыя усилія вліятельныхъ членовъ должны были быть направлены, при такихъ обстоятельствахъ, на возстановленіе организаціи и дѣятельности революціонныхъ